

Мураками Харуки

Тони Такия

Харуки Мураками

ТОНИ ТАКИЯ

Перевод Андрея Замилова

Настоящее имя Тони Такия... действительно – Тони

Такия.

Это имя (разумеется, в документах записанное, как Такия Тони), строгие черты лица и вьющиеся волосы с детства давали окружающим повод считать его полукровкой. После войны по свету подрастало немало детей с кровью американских солдат. Но на самом деле его отец и мать были чистокровными японцами. Отец – Такия Сёсабуро – еще в довоенную пору слыл довольно известным тромбонистом. За четыре года до начала Тихоокеанской войны связался с некой женщиной, из-за которой пришлось покинуть Токио. Прихватив с собой только инструмент, он подался в Китай. В то время переправиться из Нагасаки в Шанхай можно было всего за один день. Покидая Токио и Японию, он ни о чем и ни о ком не жалел. К тому же, его характеру вполне подходила творческая атмосфера Шанхая тех лет. Стоя утром на палубе парохода, заходившего в устье Янцзы, любясь панорамой

сверкавшего в утренних лучах города, Такия Сёсабу-ро без памяти влюбился в этот город, блеск которого казался ему знамением чего-то светлого. Отцу в ту пору шел двадцать второй год.

Так вышло, что все военные катаклизмы – от вторжения в Китай до нападения на Пёрл-Харбор и атомной бомбардировки – он пережил, беззаботно играя на тромбоне в одном из ночных клубов Шанхая. Война шла за пределами его мира. Иными словами, Такия Сёсабу-ро был человеком, чьи мысли и интересы витали вдали от исторических событий. У него не было других желаний только есть три раза в день, играть на тромбоне в свое удовольствие. И чтобы вокруг было побольше женщин.

Он многим нравился – молодой симпатичный виртуоз. Куда бы ни шел, везде выделялся, как ворон на белом снегу. Он переспал с несчетным количеством женщин: японок и китайнок, русских белоэмигранток, проституток и замужних матрон, красавиц и дурнушек. В общем, спал с кем попало. В конце концов, мягкий тембр тромбона и размер деятельного пениса сделали его в Шанхае той поры личностью известной.

Еще он, – правда, сам того не сознавая, – обладал талантом заводить "полезные связи" и был на короткой ноге с верховными военными чинами, китайскими толстосумами и другими видными особами, что неве-

домыми способами высасывали из войны огромные прибыли. У многих под полой пиджака скрывался пистолет, и они оглядывались по сторонам, выходя на улицу. Такия Сёсабуро был близок им по духу. Они, в свою очередь, баловали его, а если у него возникали проблемы, всегда и во всем шли навстречу. В ту пору жизнь для Такия Сёсабуро казалась воистину легким занятием.

Однако даже такие способности иногда выходят боком. После войны он попал в поле зрения Народно-освободительной армии Китая "за связи с подозрительными личностями" и долго просидел в тюрьме. Почти всех брошенных вместе с ним за решетку знакомых казнили без суда и следствия. Выводили на тюремный двор и просто расстреливали из автоматов. Казнь всегда начиналась в два часа дня – в это время из тюремного двора доносился треск автоматных очередей.

В жизни Такия Сёсабуро настал критический момент – он оказался на волосок от смерти. Умирать было не страшно: выстрел в голову – и конец. Всего одно мгновение мучений. "Я пожил в свое удовольствие, – размышлял он, – вкусно ел, не горевал. Женщин у меня было немеряно. Что еще можно требовать от жизни? Пусть и расстреляют – мне грех жаловаться на судьбу. В этой войне уже погибло несколько мил-

лионов японцев. Многие из них – куда более жуткой смертью". С готовностью к любому исходу он проводил время в одиночке, неспешно насвистывая мелодии. День за днем, разглядывая сквозь решетку проплывавшие мимо облака, вспоминал он лица и тела женщин, с которыми когда-то спал. И все же Такия Сёсабуро повезло: он оказался одним из двух счастливых японцев, которые вышли из тюрьмы живыми и вернулись на родину.

Исхудалый, он в чем был в том и ступил весной 1946 года на японскую землю. А когда приехал домой, узнал, что дом сгорел от пожара годом раньше, во время мартовского налета на Токио. Тогда же погибли и родители. Единственный старший брат пропал без вести на фронте в Бирме. И Такия Сёсабуро остался один в этом огромном мире. Но он не горевал, хотя, конечно, было горько. Однако любой странник в этом мире рано или поздно остается один. Ему всего тридцать, а это не тот возраст, когда следует винить окружающих за собственное одиночество. Он лишь ощутил свой возраст и ничего больше. Никаких других эмоций.

Такия Сёсабуро уцелел. А раз выжил – нужно работать головой, чтобы оставаться на плаву и дальше.

Ничего другого он делать не умел, поэтому просто собрал старых знакомых, создал небольшой джаз-

бэнд и начал играть в одном местечке недалеко от американской военной базы. Там, верный своему таланту, завел дружбу с майором американской армии – большим поклонником джаза. Майор, итальянец родом из Нью-Джерси, неплохо играл на кларнете. Служил он в снабжении и мог заказывать из Америки сколько угодно нужных пластинок. В свободное время они на пару джемовали или шли в казарму майора и за банкой пива слушали там лучшие пластинки Бобби Хакетта, Джека Тигардена, Бенни Гудмена* и пытались копировать их пассажи. Майор доставал для него дефицитные в то время продукты, молоко, выпивку, и Такия Сёсабуро подумывал: "Совсем неплохие времена!"

* Бобби Хакетт (1919-1976) – американский джазовый и эстрадный гитарист и трубач. Джек Тигарден (1905-1964) – американский джазовый тромбонист и певец. Бенни Гудмен (1909-1986) – американский джазовый композитор, кларнетист и руководитель оркестра.

Женился он в 1947 году – на дальней родственнице по материнской линии. Случайно встретил ее на улице, затем за чашкой чая выслушал истории из жизни родственников и рассказал о своем прошлом. Так они сблизились, а вскоре – предположительно, из-за ее

беременности – стали жить вместе.

По крайней мере, так он рассказывал Тони Такия. Правда, сын не знал, насколько Такия Сёсабуро любил свою жену. Отец рассказывал только, что она была красавицей и тихоней, а вот здоровьем похвастать не могла.

На следующий год после замужества родился мальчик, а через три дня после родов мать умерла. Скоропостижно – и также быстро ее кремировали. Смерть была очень тихой, без страданий и видимых мучений: она будто погасла.словно кто-то, стоя за спиной, незаметно нажал на кнопку.

Такия Сёсабуро сам не знал, как все это воспринять, – чувство было совершенно незнакомым. Казалось, в груди застряла какая-то маленькая шестеренка, но он никак не мог понять, что это за штука и зачем она там нужна. Она просто засела в теле и не давала ему о ни о чем задумываться. Такия Сёсабуро поэтому неделю почти ни о чем не думал и даже не вспоминал об оставленном в роддоме сыне.

Майор пытался его утешить. Они чуть ли не каждый день выпивали в баре рядом с кладбищем.

– Полно тебе! Крепись! Ты должен поднять на ноги сына, – чеканил слова майор.

Однако Такия Сёсабуро никак не мог взять в толк, что ему говорят, и молча кивал головой. Понятно бы-

ло одно – ему желают добра. Затем майор, словно вспомнив, предложил:

– Давай я придумаю ребенку имя. – И правда: Такая Сёсабуро еще даже не думал об этом. – Что если назвать, как и меня – Тони?

Что ни говори, а имя Тони никак не подходило японскому ребенку. Но откуда об этом мог знать майор? Вернувшись домой, Такая Сёсабуро написал на бумаге "Такая Тони", прикрепил листок с именем к стене и несколько дней время от времени посматривал на него. "Такая Тони? А что? Вполне! Американцы из Японии уйдут еще не скоро. Глядишь, имя в американском духе пойдет сыну на пользу..."

Но вышло наоборот. Из-за такого имени его считали в школе полукровкой, а когда вызывали к доске, остальные дети смотрели с удивлением и легким презрением. Многие считали его имя плохой шуткой, а некоторых оно раздражало.

Вот поэтому – да и по другим причинам – Тони Такая вырос человеком замкнутым. Настоящих друзей у него не было, но он об этом особо и не жалел. Одиночество казалось ему совершенно естественным состоянием. Даже можно сказать, некой жизненной предпосылкой. С тех пор, как он себя помнил, отец нередко уезжал с выступлениями в другие города, а его оставлял на попечение приходящей эконом-

ке. Годам к двенадцати Тони уже справлялся со всем сам: готовил еду, запирал жалюзи, ложился спать. И нисколько при этом не грустил. Чем ждать, пока для него что-то сделают, приятней было делать все самому. После смерти жены Такия Сёсабуро больше не женился. Подружек заводил по-прежнему, но ни одну в дом не привел. Видимо, как и сын, привык жить сам по себе. При этом между отцом и сыном не возникало никакого отчуждения – что при таком укладе казалось вполне возможным. Однако привычки одиноких людей не позволяли никому первым открыть другому душу. Более того – они не видели в том особой необходимости. Просто Такия Сёсабуро не годился в отцы, а Тони Такия – в сыновья.

Тони Такия любил рисовать. Запершись в своей комнате, он только и занимался этим все дни напролет. Особенно ему нравилось рисовать механизмы. У него хорошо получалось остро отточенным карандашом вырисовывать мелкие детали велосипедов, радиоприемников, двигателей. Даже рисуя цветок, он выделял каждую жилку на листьях. Нравилось это кому-то или нет, но получалось у него только так. Он не мог похвастать хорошими оценками по остальным предметам, но в живописи и рисовании неизменно бывал на высоте. На конкурсах почти всегда занимал первые места.

Окончив школу, Тони Такия поступил в Институт искусств, и с той поры отец и сын стали жить раздельно. Тони естественным образом выбрал профессию иллюстратора. По правде, задумываться о чем-то другом даже не требовалось. Сверстники маялись и страдали в поисках занятия, а он, ни о чем не думая, молча рисовал свои точные механизмы. То были времена студенческих волнений и яростных протестов против власти и системы, поэтому оценивать его более чем реальные картинки было некому. Преподаватели над ними насмеялись. Однокашники корили за безыдейность. При этом Тоня Такия совершенно не мог понять ценности "идейных" картин однокашников. На его взгляд, они были абсолютно убоги и совершенно неточны.

После института все изменилось. Благодаря филигранному мастерству у Тони Такия с самого начала не возникало проблем с работой – хотя бы потому, что никто не мог лучше него так тщательно рисовать сложные механизмы или строения. Люди в один голос твердили: "Реальней, чем сам предмет". Его картинки были точнее фотографий и понятнее любого пояснения. И он в одночасье стал иллюстратором нарасхват. Брался за любую работу, касающуюся механизмов: от обложек автомобильных журналов до рекламных проспектов. Работа спорилась и приносила нема-

лый доход.

А Такая Сёсабуро продолжал играть на тромбоне. Приходили и уходили времена современного, свободного, электрического джаза, а он по старинке играл тот, старый. Он был хоть и не первоклассным, но достаточно известным и продававшимся исполнителем, при этом всегда имел хоть какую-нибудь работу, по-прежнему вкусно ел и не испытывал недостатка в женщинах. Ему, как и раньше, было грех жаловаться на судьбу – жизнь складывалась вполне удачно.

Тони Такая все свободное время занимался работой, расточительных увлечений не имел и к тридцати пяти годам стал капиталистом. По совету людей купил большой дом в районе Сэтагая, а кроме того приобрел несколько домов под аренду. Обо всех мелочах, связанных с налогообложением, заботились адвокаты.

Тони Такая встречался с несколькими женщинами. Правда, дело было по молодости и непродолжительно, однако случалось так, что с некоторыми он жил, но о женитьбе даже не думал. Не видел особой необходимости в женитьбе. Готовкой, уборкой, стиркой всегда занимался сам. Когда накапливалось много работы, нанимал приходящую домохозяйку. Детей не хотел, друзей поплакаться в жилетку – не имел. Даже выпить и то было не с кем. И все же его нельзя было назвать странным человеком. Хоть и не такой обая-

тельный, как отец, он умел общаться с окружающими в повседневной жизни. Ничем не кичился и ничем не гордился. Не мог постоять за себя, но вместе с тем и не злословил. Чем говорить самому, скорее слушал других. За это его все любили. Но ему никак не удавалось достичь с кем-нибудь таких отношений, что выходили бы за рамки обычных. С отцом он встречался по каким-нибудь делам в лучшем случае раза два-три в год. Улаживали дела – и разговаривать им было уже не о чем.

Жизнь Тони Такия текла тихо и мирно. "Вряд ли я женюсь", – думал он.

И вот, в один прекрасный день Тони Такия влюбился. С первого взгляда в девушку, которая подработывала в издательстве и зашла к нему в офис за иллюстрациями. Ей было двадцать два года. Симпатичная, она впорхнула в офис с легкой тихой улыбкой на лице. У Тони Такия перехватило дыхание. Не красавица, но что-то в ней пленило его сердце. Что именно, он и сам не знал. А если бы и знал, вряд ли выразил бы словами.

Потом он обратил внимание на ее одежду. Тони Такия был не из тех, кто следит за своим видом и присматривается к женской моде. Однако его восхитила ее манера одеваться. Можно даже сказать, тронула до глубины души. Немало девушек делают это непо-

хо. Еще больше тех, кто стремится щеголять нарядами. Эта же не походила ни на тех, ни на других и носила одежду как-то естественно и элегантно, словно птица, накануне перелета в далекую страну примеряющая к себе особый ветер. Облекая ее тело, одежда словно обретала новую жизнь.

После того, как она попрощалась и вышла с иллюстрациями из офиса, он долго не мог проронить ни слова. Наступил вечер, комната утонула во мраке, а он все так же рассеянно сидел за столом.

На следующий день он позвонил в издательство и нарочно придумал повод – чтобы она зашла к нему в офис. Когда закончили с делом – пригласил пообедать. Они болтали за едой о пустяках – несмотря на пятнадцать лет разницы, им на удивление нашлось о чем поговорить. И о чем бы они ни беседовали, разговор складывался легко и непринужденно. И с ним, и с ней такое случилось впервые. Правда, она поначалу нервничала, но постепенно расслабилась и разговорилась, и даже иногда смеялась. Расставаясь, Тони сделал комплимент:

– А ты одеваешься со вкусом!

– Мне нравится одежда, – смущенно улыбнулась она. – Вот и трачу на нее почти всю зарплату.

После этого они встречались несколько раз. Далеко не ходили – садились в тихом месте и просто беседо-

вали: о себе, о работе, о мыслях и чувствах. Они могли разговаривать сколько угодно и не уставать друг от друга – словно заполняли пробелы в своих отношениях. И на пятой встрече он сделал ей предложение. Однако у нее со школьных лет оставался бойфренд. Нити отношений со временем ослабли, теперь они нередко ссорились по пустякам, и ей общество Тони Такия было намного приятнее. Но с тем человеком так сразу порвать она не могла. Что ж, у нее своя голова на плечах. К тому же, Тони на пятнадцать лет старше. Она еще молода, неопытна. Само собой, не давала покоя разница в возрасте.

– Дай мне время подумать, – попросила она.

Пока она думала, Тони Такия каждый вечер пил. Работа валилась из рук. Неожиданно обрушилось одиночество и сдавило его, словно тисками, заставив страдать. "Одиночество – хуже тюрьмы, – думал он. – Просто, я раньше этого не замечал. – И с отчаянием он всматривался в толстые холодные стены вокруг. – Если она не согласится, я умру".

При следующей встрече он как мог объяснил ей, насколько жизнь его была одинока до сих пор, как много он уже потерял, а она помогла ему все это понять.

Она была смысленной девушкой – она приняла человека по имени Тони Такия. Он ей сразу понравился, и с каждой встречей это влечение только усилива-

лось. Но она не знала, можно ли назвать это "любовью", – лишь чувствовала, что в нем есть что-то прекрасное. "С ним я стану счастливой", – думала она. И они поженились.

Одинокой жизни Тони Такия пришел конец. Просыпаясь по утрам, он первым делом искал ее глазами и успокаивался, видя, как она спит рядом. Если же рядом ее не оказывалось, он беспокоился и принимался искать ее по всему дому. Отсутствие одиночества было для него состоянием необычным – даже расставшись с ним, Тони Такия боялся вновь оказаться один. От такой мысли у него на лбу выступал холодный пот. Так, в страхе, прошли три месяца после свадьбы. Однако он привыкал к новой жизни, вероятность внезапного исчезновения жены сводилась к нулю, и страх постепенно пропадал. Тони Такия наконец-то успокоился и предался счастью и миру.

Как-то раз они вдвоем сходили послушать джем-сешн Такия Сёсабуро – ей стало интересно, какую музыку играет свекор.

– Твой отец не будет сердиться, если мы придем?

– Да нет...

И они вдвоем отправились в клуб на Гиндзе, где играл Такия Сёсабуро. Не считая детской поры, Тони Такия впервые шел слушать отца. Такия Сёсабуро играл абсолютно ту же музыку, что и прежде: те же ме-

лодии, что ему доводилось слышать в детстве. Играл отец мастерски – ровно и мягко. Искусством его игру не назовешь, но музыка всемирно известных авторов не оставляла слушателей равнодушными. Тони Такия, вслушиваясь в пассажи отца, не выпускал из рук стакана с виски, что случалось с ним крайне редко.

Однако вскоре что-то в этой музыке заставило его поперхнуться – так тонкая трубка медленно, однако неумолимо забивается мусором. Тони показалось, что нынешняя музыка отца несколько отличается от прежней, которую он помнил. Конечно, дело давнее, уши, что ни говори, были еще детские. Но разница эта показалась ему вещью очень важной. Пусть даже незначительная разница. Тони хотел подняться на сцену, взять отца за руку и сказать: "Отец, не то!" – но, естественно, этого не сделал. Попивая виски с содовой, молча дослушал выступление до конца, вежливо поаплодировал вместе с женой и вернулся домой.

На небосклоне их супружеской жизни не виднелось ни единого облачка. Работа спорилась, они жили душа в душу, вместе ходили на прогулки, в кино, вместе путешествовали. Для своих лет жена оказалась способной домохозяйкой, во всем знала меру. Проворно справлялась с работой по дому, не доставляя мужу особых хлопот. И только одно не давало Тони

Такая покая: уж слишком много жена покупала одежды. Увидев перед собой одежду, она как с цепи срывалась: моментально менялось выражение лица и даже голос. Первое время казалось, что ей вдруг становится плохо. Он обратил внимание на это еще до женитьбы, но подлинные проблемы начались со свадебного путешествия в Европу, когда она накупила на удивление много одежды. В Милане и Париже она с утра до вечера, как помешанная, носилась по бутикам. Они не ездили на экскурсии: не были ни в Дуомо, ни в Лувре. В памяти от того путешествия у него остались сплошные магазины одежды: "Валентино" и "Миссони", "Сен-Лоран" и "Живанши", "Феррагамо" и "Армани", "Черутти" и "Джанфранко Ферре"... Она как зачарованная скупала все подряд, а Тони шел позади и только успевал оплачивать счета. Да так часто, что, казалось, на кредитной карточке сотрутся все буквы и цифры.

Но даже после возвращения в Японию лихорадка не унималась. Каждый божий день она покупала одежду. Количество вещей стремительно росло, пришлось заказать несколько больших шифоньеров. Специально сделали шкаф под обувь, но и его не хватило. Тогда решили переоборудовать под гардероб целую комнату. "Дом большой – комнаты пустуют. Недостатка в деньгах тоже нет. Жена, к тому же,

одевается со вкусом. Обновки приносят ей радость. Стоит ли возмущаться таким пустякам? Ладно, уж... У каждого свои недостатки", успокаивал себя Тони Такия.

Но когда одежда перестала помещаться в гардеробной, он не на шутку встревожился и как-то раз в отсутствие жены сосчитал всю ее одежду. Вышло, что если переодеваться дважды в день, на то, чтобы все это надеть хотя бы по разу, уйдет около двух лет. Что ни говори, а это чересчур. Пора бы остановиться.

И вот вечером после ужина он собрался с духом и начал разговор.

– Может, уже хватит покупать одежду? Не подумай, что мне жалко денег. Покупай то, что нужно, – я не против. Наоборот, мне хочется, чтобы ты была красивой. Только зачем тебе так много дорогой одежды?

Жена потупила взгляд и задумалась, а затем сказала:

– Да, ты прав. Такой необходимости нет, я сама это понимаю... Но ничего не могу с собой поделать. Когда я вижу красивую вещь, меня тянет ее купить. Нужна она – не нужна, много вещей или мало, уже не имеет значения. Я просто не могу остановиться. Прямо мания какая-то.

Но все же пообещала вырваться из этого порочного круга. Если не остановиться, весь дом превратит-

ся в сплошной гардероб. И тогда она безвылазно просидела дома целую неделю, чтобы не видеть перед собой никакой новой одежды, но постепенно начала ощущать в себе пустоту – будто шагает по планете с разреженной атмосферой. Каждый день заходила в гардеробную, одну за другой доставала и разглядывала вещи, гладила материал, вдыхала его запах, примеряла то и это, смотрясь в зеркало, – и не могла наглядеться. Чем больше смотрела, тем больше ей хотелось чего-то нового. Она уже не могла себя сдерживать.

Просто не могла себя сдерживать.

Но она очень любила и уважала мужа. Помнила его слова и понимала, что он прав: столько одежды не нужно. Тело ведь одно. Тогда она позвонила в свой любимый бутик и спросила хозяина, нельзя ли вернуть покупку десятидневной давности – пальто и платье, которые еще ни разу не надевала.

– Хорошо, – ответил тот. – Только будьте любезны привезти эти вещи в магазин сами.

Ее считали клиенткой особого разряда и могли пойти на такие уступки. Уложив вещи в машину, она направилась в район Аояма, где располагался магазин. Там ей аннулировали оплату по кредитной карточке и приняли покупку назад. Извинившись, она вышла из магазина и, не оглядываясь по сторонам, села в

машину. Путь лежал по 246-му шоссе прямо домой. Даже ей самой показалось, что без вещей стало легко на душе. "Ну куда мне еще? уговаривала она себя. – Ведь уже столько всего, что до конца своих дней не сносить!" И все же пальто и платье не шли у нее из головы, пока она стояла в первом ряду у светофора. Она прекрасно помнила, какого они цвета, какой формы, какие на ощупь, и могла хоть сейчас до мельчайших подробностей их представить. На лбу выступил пот. Она глубоко вздохнула, продолжая опираться локтями на руль. Потом закрыла глаза. А когда их открыла, сигнал уже сменился на зеленый. Нога до упора вдавила педаль газа...

В этот момент поворачивавший уже на красный свет многотонный грузовик на полной скорости врезался в бок ее синей "рено-сценик". Она даже не успела охнуть.

Тони Такия осталась лишь гора одежды седьмого размера. Одной обуви двести пар. Что со всем этим делать? В самом деле, не хранить же ее вещи до бесконечности. Вызванный на дом ювелир забрал все украшения по выгодной для себя цене. Чулки и нижнее белье сгорели в печи на дворе. Только одежды с обувью было так много, что с ними пришлось поременить. После похорон жены он уединился в гардеробной и с утра до вечера смотрел и смотрел на плот-

ные ряды свисавшей одежды.

Через десять дней после похорон Тони Такия дал в газету объявление о найме ассистентки. "Требуется девушка ростом около 161 см. Размер одежды 7, обуви – 22. Оплата высокая". Указанную сумму зарплату можно было назвать исключительной, и на собеседование в мастерскую и, по совместительству, офис на Минами-Аояма пришло тринадцать девушек. Пять из них явно не соответствовали размерам. Из оставшихся восьми претенденток он выбрал одну – наиболее похожую фигурой на покойную. Ничем не приметная девушка лет двадцати пяти, она была одета в простую белую блузку и приталенную синюю юбку. И одежда, и обувь выглядели аккуратно, но вблизи оказались заметно поношенными.

Тони Такия сказал девушке:

– Работа – несложная: находиться с девяти до пяти в офисе, отвечать на звонки, доставлять вместо меня рисунки, забирать заказы и делать копии. Кроме того, есть одно условие. Я только что потерял жену, и в доме осталось очень много одежды. Все вещи – или новые, или почти новые. Я хочу, чтобы ты, пока работаешь здесь, носила их вместо формы. Поэтому в условиях приема на работу я указал рост и размеры одежды и обуви. Это может показаться тебе странным и даже подозрительным. Я и сам это прекрасно пони-

маю, но других намерений у меня нет. Просто мне требуется время, чтобы привыкнуть к смерти жены. Иначе говоря – отрегулировать вокруг себя атмосферное давление. А пока я хочу, чтобы ты была рядом именно в этой одежде. Глядя на тебя, я должен сознать, что жена умерла, и ее больше нет.

Покусывая губы, девушка лихорадочно обдумывала условия. Действительно: странно все это. Но, признать, она так и не поняла смысла предложения Тони Такия. Недавно умерла жена – ясно. Осталось много одежды – тоже ясно. А вот зачем она должна носить эту одежду, работая с ним, оказалось сверх ее понимания. "Как правило, такие предложения – с подвохом, но он, вроде, неплохой человек, – рассуждала она. – По манере видно. Может, смерть жены как-нибудь сказывается, но на извращенца не похож". К тому же девушка нуждалась в работе и искала ее уже целый месяц. Еще немного – и закончится пособие по безработице, нечем станет платить за жилье. Такое место, да еще с такой зарплатой вряд ли где подвернется.

– Понятно, – сказала она. – Правда, я не поняла некоторых тонкостей, но, думаю, справлюсь с тем, о чем вы говорите. Только одно: не могу ли я сначала посмотреть одежду. Хорошо бы проверить, действительно ли она подойдет мне по размеру.

– Конечно.

Он повез девушку к себе и показал полную вещей гардеробную комнату. Нигде, кроме универмагов, не видела девушка такого скопления одежды. Какую вещь ни возьми – одна дороже другой. Вкус тоже не вызывал сомнения. Засветились глаза, перехватило дыхание, учащенно забилось сердце. Она поймала себя на мысли, что примерно так испытывала свое первое сексуальное влечение.

Тони Такия велел ей заняться примеркой, а сам вышел из комнаты. Девушка поборола волнение и примерила несколько висевших рядом костюмов, не забывая и об обуви. И костюмы, и обувь сидели прекрасно – словно были сшиты как раз на нее. Она перебирала другую одежду, гладила ее руками, вдыхала запах. Перед ней плотными рядами свисали несколько сот красивых туалетов! Вскоре на глаза ей навернулись слезы. Да и как иначе? Слезинки одна за другой капали из глаз, и она не могла их сдержать. В одежде мертвой женщины она бесшумно захлебывалась слезами. Спустя время Тони Такия заглянул в комнату узнать, как у нее дела, и увидев это, спросил, почему она плачет.

– Не знаю, – ответила девушка, качая головой. – Я не видела раньше столько красивой одежды, вот и расстроилась. Извините, пожалуйста! – И вытерла

слезы платком.

– Можешь начать работу с завтрашнего дня, – сухо промолвил Тони Такия. – А пока выбери на первую неделю, что захочешь.

Она неторопливо подобрала вещи в расчете на шесть дней и уложила все в чемодан. Тогда Тони Такия велел ей прихватить пальто, чтобы не замерзла. Ее выбор пал на теплое кашемировое, серого цвета. Пальто оказалось легким, как пух: она впервые в жизни держала в руках такое легкое пальто.

Когда девушка ушла, Тони Такия зашел в гардеробную жены, закрыл за собой дверь и какое-то время рассеянно смотрел на одежду. Отчего девушка расплакалась? Из-за этих вещей? Ему они казались лишь тенями жены. Тени седьмого размера свисали с плечиков ровными рядами, будто заслоняя друг друга. Казалось, кто-то собрал и подвесил несколько сот безграничных (по крайней мере, теоретически безграничных) возможностей, что кроются в людском существовании.

И если прежде эти тени касались тела жены, согревались теплом ее дыхания, вместе с ней двигались, то сейчас перед его глазами предстало лишь жалкое сборище призраков, лишившихся жизни и с каждой минутой все больше ссыхающихся. Просто бессмысленная одежда – при виде ее к горлу его подкатил ком.

Всевозможные краски цветочной пылью кружили в пространстве, набиваясь ему в глаза, уши, ноздри. От алчных оборотов и пуговиц, погон и накладных карманов, кружев и ремней воздух комнаты становился странно разреженным. Нафталиновая вонь мириадами крошечных листоедов издавала беззвучный писк. Тони Такия поймал себя на том, что ненавидит эту одежду. Он навалился спиной на стену, скрестил руки и закрыл глаза. Уже во второй раз он погружался в одиночество, словно в теплую жидкость мрака. "Все кончено, – думал он. – Все уже кончено".

Он позвонил девушке и попросил забыть их разговор о работе.

– Извини, но работы уже нет.

– Почему? – удивилась она.

– Изменились обстоятельства. Оставь себе всю одежду и обувь, что взяла. И чемодан тоже. А про это – забудь и никому не рассказывай.

Она не поняла что к чему, но после его слов уже не хотела ничего выяснять – кротко ответила "понятно" и положила трубку.

Некоторое время она сердилась на Тони Такия, а потом решила: может быть, все к лучшему. Расклад с самого начала казался неестественным. Жаль, конечно, что работы не стало. Ладно, что-нибудь придумаю...

Она аккуратно расправила и одну за другой повесила в шкаф вещи из дома Тони Такия, расставила на полке обувь. В сравнении с обновками, ее прежние вещи выглядели на удивление убого: совершенно другая субстанция, созданная из материала иного измерения. Она сняла с себя одежду, в которой ходила на собеседование, и переделалась в джинсы и свитер. Затем достала из холодильника пиво, уселась на пол и открыла банку. Вспомнив гору одежды, увиденную в доме Тони Такия, невольно вздохнула. "Надо же! Столько красивых вещей! Во люди дают! – подумала она. – Одна гардеробная больше, чем вся моя квартира. Интересно, сколько нужно денег и времени, чтобы столько всего закупить?.. Но она умерла. Осталась только целая комната одежды седьмого размера. Интересно, что чувствуют люди, когда умирают, оставляя столько прекрасной одежды?"

Подруги прекрасно знали о ее бедности и несказанно удивились, когда девушка несколько дней подряд появлялась в новой одежде. К тому же, одна вещь была идеальнее и дороже другой.

– Где ты взяла все эти вещи? – спросили они.

– Я не могу вам рассказать. Я обещала, – в ответ покачала она головой. – Да, хоть и расскажу – вы все равно не поверите!

В конце концов, Тони Такия вызвал старьевщика и

продал ему всю одежду за бесценок – для него она уже не имела никакого значения. Он просто хотел, чтобы из дома забрали все до последнего предмета жены и увезли подальше с его глаз. Хоть даром.

Высвободившаяся гардеробная долго пустовала.

Иногда он заходил в эту комнату и просто рассеянно сидел в ней. Час, другой – сидел на полу, не отрывая взгляда от стены. На этой стене оставалась тень... тени мертвеца. Со временем он уже не мог вспомнить, что там было раньше. Запахи, цвета – все это постепенно пропало из его памяти. И даже прежние яркие чувства отступили куда-то за ее пределы. Память, словно разгоняемый ветром туман, постепенно меняла форму и с каждой такой переменной становилась все короче и короче. Она стала тенью тени... опять-таки, тени мертвеца. Порой он даже не мог представить себе лицо жены, но изредка вспоминал слезы незнакомой девушки, плакавшей в гардеробной при виде одежды. Вспоминал ее неприметные черты, ее облезлую обувь. В памяти воскресали ее сдавленные рыдания. Он не хотел ворошить такие образы, но те оживали сами по себе. Улетучивались из головы разные события и факты, но девушку, имени которой так никогда и не узнал, забыть он не мог.

Такия Сёсабуро умер от рака через два года после гибели невестки. От рака – но без мучений. Он недолг

го пролежал в больнице и умер во сне. Даже в этом смысле ему фартило до самого конца. Кроме небольшой суммы денег и каких-то акций у Такия Сёсабуро никакого состояния не имелось. После него остались лишь трофейный инструмент и огромная коллекция старых джазовых пластинок. Тони Такия сложил эти пластинки в коробки и составил в углы пустующей гардеробной. Пластинки пахли затхлостью, и нужно было периодически открывать окна, чтобы проветривать комнату. В бывшую гардеробную он теперь заходил только для этого.

Так прошел год. Постепенно его стала раздражать груда винилового хлама. Иногда от одной только мысли о пластинках ему становилось душно. Бывало, просыпался среди ночи и уже не мог уснуть до утра. Память стиралась. Но тяжесть ее не ослабевала.

Он вызвал торговца подержанными пластинками и предложил назвать цену. Наверное, из-за того, что пластинки в своем большинстве оказались раритетами, сумма вышла немаленькой. Хватило бы на мало-литражку, но ему было все равно.

Из дома исчезла гора пластинок – Тони Такия теперь точно остался совершенно один.

Июнь 1993 г.